

...А звали его Константин. Что означает: «сын постоянного».

Константин Михайлович Симонов. Правда, крестильное имя – Кирилл («уменьшительное к имени Кир – «господин, владыка», то есть – «господинчик, барчонок», – пишет Лев Успенский). Но мама, княжна Александра Леонидовна Оболенская, упорно звала сына «Кирюша»...

И все-таки мы все, весь мир, знает, помнит и любит Константина Симонова. «Универсального литератора» – поэта, автора повестей и романов, драматурга и киносценариста, журналиста, переводчика. Военного корреспондента, общественного деятеля, Героя Социалистического труда, удостоенного шести Сталинских премий, Ленинской (1974), многих орденов и медалей, в том числе, трех орденов Ленина, ордена Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны I степени.

Вторая Сталинская премия (1943) присуждена за пьесу «Русские люди» (опубликована в «Правде» 13–16 июля 1942), одна из медалей – «За оборону Одессы» (1942).

Его стихи, пьесы, повести и романы, статьи, воспоминания сыграли большую роль в моей жизни, жизни близких.

Помню: в студенческом дневнике моей мамы (1940) – полный текст цикла «Пять страниц», ответ мамы на мой вопрос, что привлекло: «Родное, близкое...»

В мои школьные, студенческие годы в репертуаре юной чтицы – многие стихи, поэма «Сын полка». И сегодня, по прошествии более полувека, безошибочно прочту. И – читала. Совсем недавно – в Литературной гостиной Одесского Дома ученых...

Дом моих родителей, мой дом был «домом друзей», закон: верность – незыблема, свята. И как горько сегодня вопрошать: «Да где ж вы душу потеряли?..»

А главное, все-таки, –

«Читайте в «Правде»...»

...И его звали – Костя. Товарищи-партизаны полка имени Сергея Лазо на Смоленщине, под Ельней, в Мутищенских лесах. Более привычное слуху имя, или – в целях конспирации? Шучу... Крестильное имя – Ростислав («да умножится твоя слава»). Мама, Екатерина Николаевна Харинская (Владимирова) из купеческого рода города Торопец, звала: «Ростик», «Ростинька», «росточек мой славный»; любимая жена «Маша, Машенька, Машуша» – «Роська», «Рось», «Росинька»; пятеро братьев и сестер: «Ростя», «Ростислав». Для двоих осиротевших сыновей он просто «Папка»...

Ростислав Захарович Владимиров. Родной брат моего отца.

«Здравствуйте, дорогие мои, – читаю в предпоследнем его письме от 18 июля 1942 года, – Много писать не буду. Подробно писать нельзя, ибо если письмо попадет к врагу, то в нем не должно быть ничего интересного для него, а оно все же может попасть (не дай Бог).

Адрес мой не изменился, а жизнь изменилась. Живем мы теперь в лесу, на вольном

воздухе. Солнце, воздух и вода – одним словом, почти курорт, не хватает только «усиленного питания».

Вторая новость – некоторые сегодня впервые получили ответные письма, а я нет.

Третья новость – на днях (завтра) получу орден Красной Звезды. Передай привет маме, скажи, что я жив и здоров, несмотря на «скверные условия». Скверные с вашей городской точки зрения (дождь, грязь, ходьба по болотам и бурелому), фактически не так плохо и вот я здоров.

Ну, пока до свидания.

Скоро надо отправлять письма. Целую. Увидимся не скоро. Читайте в «Правде» «Русских людей» – очень верно.

Ваш Роська, Папка, Ростя и т. п.

Мы не унываем, не унывайте и вы. Помогайте нам своей тыловой работой, а мы своей, тоже «тыловой», только в тылу у немцев.

Если жив буду, увидимся, но борьба настолько жестока, что лучше приучить себя к мысли о смерти».

Полк Лазо занимал несколько сот деревень Ельнинского и других соседних районов. В мае-июне 1942-го против партизан было брошено 7 дивизий, из них 2 – танковые...

До войны Ростислав Захарович преподавал в Уральском политехническом институте имени С. М. Кирова, затем он – слушатель Артиллерийской академии РККА имени Ф. Э. Дзержинского, преподаватель курсов комсостава при УралВО.

Участник битв под Москвой, ранен, «окруженец». Отец писал: «...попав в окружение, он ищет к какой группе присоединиться. Одна группа – явные бандиты. Вторая группа – прячутся и от врагов, и от своих. Наконец под Ельней, на Смоленщине, он попадает в крупный партизанский отряд им. Лазо. Здесь он и легализируется. Назначают начальником штаба первого, самого крупного батальона, постоянно бьющего врага и его приспешников...»

1 марта 1942 года дядя Ростя напишет жене:

«Ты может быть уже считаешь меня погибшим, ведь сведений обо мне ты не получала 4 или 5 месяцев. Скоро полгода, как я в тылу у немцев. Трудно рассказать всё сразу: где был, что делал, да и не нужно этого пока.

Самое главное, что ты должна знать – я жив и цел.

После некоторого перерыва опять принимаю участие в борьбе. Говоря короче, я – в партизанском отряде».

Он пишет: «...сейчас нам здесь, в тылу у врага, видно: силы наши крепнут и растут. Немцы сильны еще, они бьются изо всех последних силенок, пытаются виселицами, пожарами, грабежом поправить свои дела. Но это только ухудшает их положение.

Я уверен, что и вы там работаете на оборону, не покладая рук. Вам трудно, конечно, но лучше переносить трудности, чем быть рабами немцев. В этой истине здесь убедились все на 99,9% (кроме разве «полицейских» и «бургомистров»).

Теперь о себе. За это время я вёл жизнь тяжелую и не столько физически, сколько морально, но всё поправилось, когда мне удалось найти партизан.

Сейчас ты меня вероятно и не узнала бы. Отрастил бороду (с октября не брился), ношу пальто с меховым воротником и шапку. На поясе кинжал, а сегодня получил в подарок немецкий «пистоль» без кобуры, ношу его за поясом. Такова внешность, а внутренне я остался тем же. Не изменился и не изменил».

5 мая 1942-го: «... идет бой, почта совершенно случайная. Но спешу сообщить, что я жив и здоров, и цел, хотя уж много раз был на волоске. <...> Нас здесь много и немцы сокрушить нас не могут, наоборот, мы частенько им зубы считаем».

10 мая 1942-го: «Здравствуй, дорогая моя! Опять пишу тебе письмо и опять со спешкой, сейчас работы много, организация и реорганизация и т. д., и т. д. <...> Хотя мы все и находились в плену и тылу у немцев, но сейчас мы сумели создать боеспособную единицу, которая приносит немало беспокойства немцам».

Хотя жизнь наша трудная и опасная, как и вообще на войне, но зато морально чувствуешь себя легче и ждешь только одного – когда немцам будет капут, а он будет...».

О создании полка, его борьбе (освобождение Ельни!), «организации и реорганизации», создании 2-й партизанской дивизии, в которую вошел и полк им. Лазо; «разукрупнении», уходе нескольких групп в другие места дислокации, смене руководства подробно напишет генерал, командир кавалерийского корпуса П. А. Белов (За нами Москва); комиссар полка, потом – д-р ист. наук, профессор А. Ф. Юденков (За огненной чертой). И, что особенно интересно, – А. Н. Толстой (Рассказы Ивана Сударева).

9 июня дядя Ростя пишет письмо, явно утешая «и старых, и малых»:

«Здравствуйте, дорогие мои!

...Началось настоящее лето. Отцвела черемуха, яблони, цветет рябина, дуб распустился давно, уже листья стали большие. Лесная чаща стала гуще. В лесу так хорошо. Птицы, цветы и каждый зверь, каждое животное занято своими делами, ласточки носятся над лугом, муравьи тащат в свой дом разную мелочь. Им нет никакого дела до стрельбы, взрывов, мин, бомбежки...»

11 сентября: «Вероятно, сегодня вечером это письмо полетит к тебе, и больше не жди писем долго-долго, а может быть, и вообще это письмо последнее. До сих пор мне везло, но не вечно же будет везти, когда-нибудь и перестанет везти». Это письмо он посчитал завещанием, просил воспитать сыновей так,

«1. Чтобы не были они «книжниками», т. е. чтоб умели работать не только головой, но и руками. Стругать, пилить, копать, огородничать, слесарничать.

2. Чтобы были сильные и здоровые, спортом занимались – лыжами, коньками, плаванием. Пусть даже дерутся.

3. Чтобы привилась к ним любовь к настойчивому труду, желание копаться и докапываться до конца, добиваться результатов. Труд, а не игра в труд. Это труднее всего, но и необходимее всего. Трудолюбие и настойчивость».

В начале августа командир полка и комиссар улетели на самолете в Москву. Но «Лазовцы» продолжали действовать. На них немцы обрушили большие силы. Затем, уже в

конце 1942 года, один из отрядов, в котором был Ростислав Захарович, почти полностью погиб в бою, а часть партизан пропала без вести...», – писал тете Маше бывший комиссар Юденков. Среди пропавших без вести – дядя Ростя.

Новый командир полка, майор Леонид Лукич Зыков, в тюрьме гестапо в Спас-Деменске сказал девушке из Спас-Деменска Марии Козловой: «Знаешь что, Маруся, ты, быть может, еще выйдешь на свободу, попадешь в лагерь или еще каким-нибудь образом останешься жива. Передай нашим о том, что мы отбивались изо всех сил, но нас выдал предатель. Партизаны дрались как львы, и не наша вина, что мы не одержали победы и на этот раз. И еще передай: я не сказал врагу ни одного слова».

4 марта 1943 года Л. Л. Зыков был расстрелян в Поповском лесу. «После освобождения Спас-Деменска в 1943 году в Поповском лесу провели раскопки 56 могил. В них обнаружили 907 трупов».

В. И. Четыркин, помощник начальника штаба полка: «...Теперь скрывать нечего: 1-й батальон – одно из лучших соединений полка с количеством 800-900 штыков на отдельных этапах борьбы. Много удачных боевых операций провел этот батальон во главе со своим штабом». Батальону был придан танк Т-34, и «Однажды в расположение батальона прорвались фашистские танки. Батальон встретил их минометным огнем. Удалось заклинить башню одного танка. Немцы повернули назад и ушли несолоно хлебавши».

«Костя, – писал он, – всегда был на высоте положения, как и весь батальон. <...> Обычно его разведданные и известный военный прогноз (все это он излагал четким военным языком) не вызывал ни у кого сомнений.

В тяжелые дни (довольно тяжелые!), когда против нас немцы бросили 7 дивизий (из них 2 танковые), Костя был с нами. Нам удалось отойти в лесные массивы. И в этих условиях Костя был, как и раньше, точен и аккуратен. А боевые операции шли она за другой...

Условия в это время были крайне тяжелые...»

В следующем Владимир Иванович снова скажет: «Вспоминается он мне человеком, я бы сказал, строгой жизни, аккуратным, добрым и хорошим товарищем. Со своим «хозяйством» он справлялся прекрасно, хотя батальон временами насчитывал до 900 штыков.

И еще: всегда имел трезвую и свежую голову. Ах, как это было важно в нашей тогдашней жизни!

Летом 1942 года от нашего полка «отпочковалось» несколько групп, ушедших по разным направлениям, причем большинство партизан в этих группах остались живыми. Оставшаяся же группа Зыкова наиболее пострадала и подробности гибели наших друзей и товарищей пока неизвестны...» (21 апреля 73).

А. Я. Данильченко из Донецка, тогда – начальник штаба 3-го батальона полка им. С. Лазо: «... когда я получил Ваше письмо и фото, в моей памяти сразу воскресло все об этом замечательном, образованном и воспитанном человеке». Данильченко ушел с «отдельным отрядом в 180 человек 28 июля 1942 года под Рославль для выполнения специального задания». Потерял связь с «Костей», судьбы его не знает, но: «Знаю только, что она была

весьма трагична, как трагична была и судьба оставшейся в Мутищенском лесу части партизанского полка Лазо».

Есть свидетельство, что Р. З. Владимиров продолжил борьбу с захватчиками в Белоруссии. 3 июня 1960 года в газете «Уральский рабочий» было опубликовано письмо Петра Кишкоренко, «инвалида труда» из деревни Глыбово Гомельской области, «Если живы – пусть отзовутся». Он рассказал, как весной 1943-го, накануне Пасхи, отпустил арестованных «двух парней с Урала». Описал их, признался: «Тяжело обошлось мне это тогда. Жизнь висела на волоске, чуть не застрелили. Но на душе было спокойно, что ребята спаслись». Тетя Маша откликнулась, послала фотографию дяди Ростя. И Петр Кишкоренко признал младшего из отпущенных им: «Это ОН – я его сразу узнал, я как живого увидел его на фото», попросил «эту фотографию его, пусть она остается мне на память».

Не знаем мы, где и как погиб дядя Ростя, он же – партизан Костя. Но знаем твёрдо: он до конца оставался верным сыном своей Великой Родины, воинской Присяге.

«Там я встретился с людьми...»

...Снова – в который раз! – в преддверии Года 75-летия нашей Великой Победы читаю роман «Живые и мертвые». Сердце особо влечет к страницам о героях Смоленского подполья, партизанского отряда; к страницам, упоминающим города Смоленщины.

Вчитываюсь в корреспонденцию «На Смоленской дороге»: «Смоленщина, ее дороги, ее белые березы, ее деревеньки на низких пригорках, – как много говорят они сердцу!» Горло перехватывает от строк: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

Конечно, вчитываюсь и в одесские страницы, о них пришлось уже писать...

Выделяю: «В июле сорок первого я был в полку, оборонявшем Могилев. Там я встретился с людьми, защищавшими этот пригород до последнего патрона, когда он уже был обойден и справа и слева. Там, в Могилеве, у меня впервые родилась мысль, что если я останусь жив, то обязательно напишу что-то о людях, защищающих этот город, оторванных от своих и все же не унывающих и не склоняющих головы перед бедствием. Потом, в августе, я попал в Одессу, в тяжелые для нее дни, когда резервы считали по пальцам, а подкрепления все еще не подходили. Немцы заняли станцию, где начинался городской водопровод, в городе почти не было воды, ее выдавали стаканами, за ней стояли очереди. Но город все-таки оборонялся, и там, в Одессе, у меня родилась мысль написать потом какую-то большую вещь об осажденном городе».

Симонов напишет о людях Крыма, Крайнего Севера – полуострова Рыбачий, о прототипах героев любимой пьесы: «“Русские люди“ писались среди войны, и за персонажами пьесы почти вплотную стояли люди, которых я видел и о которых вспоминал».

И, да простится мне, но за образом капитана Ивана Сафонова вижу и капитана Ростислава Владимировича. «Очень верно», – сказал он о пьесе. Иногда посещает мысль: а не выполнял ли его батальон роль подразделения, отвлекающего на себя силы врага, сродни роте Александра Васильевича Васина (прототип – отчим К. М. Симонова)?..

А предатель... Увы, выжили такие, как Козловский-Василенко, Семенов, Харитонов.

К. Симонов вспоминал, что образ Харитонова сложился из фразы: «“Мои вещи без меня – всегда вещи, а я без моих вещей – дерьмо», фразы, которую сказал на вокзале в минуты эвакуации муж жене, и из моих воспоминаний о Грузинове». Бургомистре Феодосии.

Расплодилось они страшно... Но несравненно больше на Руси таких, как Васин, Глоба, Валя, Сафонов, Марфа Петровна, Мария Николаевна, Ильин, Шура, Морозов, Лейтенант, Старик, Раненый – 12 Солдат Отчизны, верных Русских людей! «Очень верно!»

...Знаю: 9 мая 2020 года, как и в прошлые годы, внук Ростислава Владимировича в Одессе, правнуки в Екатеринбурге и Калининграде пронесут в марше «Бессмертный полк» его портреты. А я, Бог даст, спою свою песенку:

Строка, многих прочих дороже,
С детства на душу легла:
«Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!»
– Ничто никогда не сможет
Нас вышибить из седла!

P. S. Песенку я, несомненно, спою! И прочитаю многие стихи о Войне, о нашей Великой Победе! Свои и – не свои... И помяну в глубоком поклоне своих и – не своих! Впрочем, ВСЕ ОНИ – МОИ! Те, что отдали ЖИЗНЬ в борьбе с фашизмом! Те, что помнили и до конца – СТОЯЛИ!

А вот с маршем «Бессмертный полк» пока придется повременить. ПОКА! Коронавирус (только ли и столько ли – он?) повелел. Но, как и любая тварь, паразит, он – не вечен!

Но – навечно: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ. ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ. ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!»